

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800026317-4

Оппозиция свой / чужой в малых жанрах бурятского фольклора

© 2023 г. Л. С. Дампилова

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения РАН,
Россия, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6
ORCID: 0000-0003-0917-5432
dampilova_luda@rambler.ru

© 2023 г. С. Д. Гымпилова

Кандидат филологических наук,
научный сотрудник Института монголоведения,
буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН,
Россия, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6
ORCID: 0000-0002-4251-3379
gymps70@yandex.ru

Резюме. В работе выявлены особенности оппозиции свой / чужой в семейно-родственных отношениях бурят на примере бурятских пословиц и поговорок в аспекте семантического наполнения текста. Актуальным представляется изучение роли универсальной оппозиции свой / чужой в формировании взаимодействия людей в обществе, выявление национальной специфики в использовании механизмов тождества и различий в поговорках. В работе привлекаются материалы полевых исследований последних лет, архивные и изданные источники, доказывающие устойчивость и сохранность малых жанров фольклора. Выявлено, что в локальной традиции близкие по смыслу формульные выражения могут менять свою семантику, дополняя и расширяя функции основного персонажа. Установлено, что наиболее распространенными и сохранившимися являются пословицы о дяде по матери с положительной коннотацией. Также следует вывод, что в бурятских пословицах двойственность положения материнской стороны и признание то отцовской, то материнской стороны своей близкой в определенной мере повлияло на модифицирование оппозиционных маркеров родственников-племянников.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания – проект “Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона” (номер госрегистрации: 121031000259-6).

Ключевые слова: буряты, родственники, оппозиция свой / чужой, малые формы фольклора, пословицы, поговорки.

Для цитирования: Дампилова Л.С., Гымпилова С.Д. Оппозиция свой / чужой в малых жанрах бурятского фольклора // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 3. С. 70–76. DOI: 10.31857/S160578800026317-4

The Opposition of “Kindred / Alien” in Small Genres of Buryat Folklore

© 2023 Ludmila S. Dampilova

Doct. Sci. (Philol.),
Head Researcher at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6 Sakhyanova Str., Ulan-Ude, 670047, Russia
ORCID: 0000-0003-0917-5432
dampilova_luda@rambler.ru

© 2023 Sesegma D. Ghympilova

Cand. Sci. (Philol.),
Researcher at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6 Sakhyanova Str., Ulan-Ude, 670047, Russia
ORCID: 0000-0002-4251-3379
gymps70@yandex.ru

Abstract. The paper reveals the peculiarities of the opposition of friend / foe (or kindred / alien) in the family-kinship relations of Buryats on the example of Buryat proverbs and sayings in the aspect of semantic content of the text. It is relevant to study the role of the universal opposition of one's own / another's in the formation of people's interaction in society, to identify national specifics in the use of mechanisms of identity and differences in paroemias. The work involves the materials of field research of recent years, archival and published sources proving the stability and preservation of small genres of folklore. It is revealed that in the local tradition, formulaic expressions similar in meaning can change their semantics, complementing and expanding the functions of the main character. It is established that the most common and preserved are proverbs about the maternal uncle with a positive connotation. It should also be concluded that in Buryat proverbs, the duality of the position of the maternal side and the recognition of the paternal, then maternal side of one's close to a certain extent influenced the modification of oppositional markers of relatives-nephews.

Acknowledgements. The article was carried out within the state assignment (project “Ethnocultural Identity in the Architectonics of Folklore and Literary Texts of the Peoples of the Baikal Region”, № 121031000259-6).

Key words: Buryats, relatives, opposition of one's own / another's, small forms of folklore, proverbs, sayings.

For citation: Dampilova, L.S., Ghympilova S.D. *Oppozitsiya svoj / chuzhoj v malyh zhanrah buryatskogo folklora* [The Opposition of “Kindred / Alien” in Small Genres of Buryat Folklore]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 3, pp. 70–76. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800026317-4

Статья посвящается выявлению оппозиции свой / чужой в семейно-родственных отношениях бурят в аспекте семантического наполнения текста. В работе использованы историко-этнографические исследования, связанные с территориально-родственными, семейно-брачными, этногенетическими отношениями бурят (см., напр.: [1]; [2]; [3]; [4]; [5]; [6] и др.). Из последних работ особый интерес представляют труды М.М. Содномпиловой об образе социальной группы определенного уровня в кругу семейно-родственных связей [7].

Функционирование фразеологических формульных выражений в малых жанрах фольклора, ассоциативные текстовые связи составляют основу этнической специфики в художественной

картине мира монгольских народов. При обращении к проблеме этнокультурной идентичности в фольклористике актуально изучение роли универсальной оппозиции свой / чужой в формировании взаимодействия людей в обществе, выявление национальной специфики в использовании механизмов тождества и различий в паремиях. В работе привлекаются материалы полевых исследований последних лет, архивные и изданные источники, доказывающие устойчивость и сохранность малых жанров фольклора.

Для бурят родственные отношения всегда имели главенствующее значение в построении своего близкого мира. В бурятских пословицах и поговорках основу общества составляют родоплеменные связи: “Без корня трава не растет, /

Без родословной народа нет” — *Үзүүргүйгөөр ногоон ургахагүй, / Удхагүйгөөр улад байхагүй* [8, с. 124]. Традиционно в монгольском мире родство с отцовской и материнской стороны оппозиционно делится на свой / чужой, где отцовская горячая (*халуун*) / своя кровь противопоставляется материнской чужой (*хари*) родне. Но это положение не является устойчивым постулатом, что связано с двойственным положением женщины в семье мужа. Как отмечает Т.Д. Скрынникова, “с одной стороны, она по-прежнему сохраняет связь с родом отца, являясь в этом смысле чужой для рода мужа, а с другой — через брачные обряды она уже включена в род мужа” [9, с. 43]. И эта двойственность положения материнской стороны ярко выражена в оппозиции свой / чужой в пословицах и поговорках.

В малых жанрах фольклора устойчиво маркируются родственники материнской стороны как наиболее близкие, свои, среди которых особо выделяется дядя по матери (*нагаса*): “Начало воды — родник, / Начало народа — дядя по матери” — *Уһанай эхин — булаг, / Уладай эхин — нагаса* [8, с. 126]. У современных шэнэхэнских бурят, локально проживающих в иноэтнической среде, намного лучше сохранилось устное народное творчество. Значимость дяди по матери они подчеркивают: “Выше дяди родни нет, / Хоть и в колыбели, все равно дядя” — *Нагасаһаа ехэ түрэл байхагүй, / Үлгытэйише һаа нагаса* (Записано от Дашын Сэдэб, 1938 г.р., род бодонгууд, Шэнэхэн Баруун сомон АРВМ КНР. Соб. С.Д. Гымпилова, 2000) [ПМА]. В пословицах не менее категорично утверждает: “Если есть начало, то есть конец. / Если есть мать, то и есть дядя по матери” — *Эхитэй хадаа эсэстэй, / Эхтэй хадаа нагасатай* [10, с. 267].

В паремиях монгольских народов соблюдается общепринятая параллельная конструкция в композиции текста и начальная рифма (начальная аллитерация, анафора), так называемое единоначатие (*толгой холболго*) в стихосложении. В первую очередь, необходимо отметить устойчивое сравнение образа дяди по матери с солнцем, в тексте анафора (*нагаса / наран*) сочетается с его семантическим наполнением. По полевым материалам авторов, тункинские буряты рода *шошолог* коротко констатируют: “Дядя — Солнце тэнгри” — *Нагаса — Наран тэнгэри*. По нашему мнению, это образное выражение можно расшифровать в контексте шаманской мифологии, утверждающей, что прародители бурят (*уггарбал*) начинаются с небесных корней: “Девять кругов / Луна отец, / Восемь кругов / Солнце мать” — *Юһэн хүрээ / Һара баабай / Найман хүрээ / Нара ийбии* [Мадасон,

ф. 18, оп. 1, Инв. № 193]. Получается, что статус дяди как солнца тесно связан с предковым материнским началом. Почти подобное же выражение, сохранившееся у агинских / хоринских бурят: “Небо дяди высокое” — *Нагасын тэнгэриехэ*, может переводиться более реалистично, возможно, следовательно, будучи знатоком данной локальной традиции, текст прочитывает по-своему: “Покровительство дяди большое” [11, с. 68]. Необходимо отметить, что в каждой региональной / племенной традиции близкие по смыслу формульные выражения могут немного менять свою семантику, дополняя и расширяя функции основного персонажа.

И вторая устойчивая параллель подчеркивает тесную связь дяди с племянником, *нагаса* — брат матери, а *зээ* — это дети сестры: “Дядя как солнце, / Племянник как листочек” — *Наранда адли нагаса, / Набшаһанда адли зээ* (Зап. от Сундуйвой Зинаиды Цыремпиловны, 1944 г. рожд., род шубтэхэй шоно, с. Чилир Баргузинского района Республики Бурятия. Соб. Л.С. Дампилова, 2021) [ПМА]. Имея в виду утверждение, что само слово *нагаса* более позднего происхождения [12, с. 9], в работе подчеркивается архаичность устойчивых образных стереотипов в малых жанрах фольклора. Образное сравнение ребенка сестры с нежным листочком показывает их особую наследственную близость. М.М. Содномпилова отмечает значимый для нас факт о роли дяди по матери в бурятском обществе: “Образ дяди по матери, представленный в фольклоре монгольских народов, архаичных ритуальных практиках, показывает его высокий социальный статус в родственных взаимоотношениях, который даже превосходит статус родного отца ребенка” [13, с. 102].

Как нам пояснили информанты Баргузинского района РБ, сравнение племянников с многочисленными листьями напрямую связано с забытым сегодня кузенным браком, т.е. если дети брата женятся на детях сестры, в таком случае обязательно будет “четыре полных, восемь ровных” — *дүрбэн дүүрэн, найман тэгшэ*, что означает множество детей и богатство. Не менее образно и емко эту мысль продолжает высказывание агинских бурят: “Хорошо брать жен с материнской стороны, / Придут, солнце и траву притягивая” — *Нагасынгаа зүгһөө һамга абахада һайн / Нара ногоо татажа ерэхэ* [11, с. 21].

Возможно, с желанным кузенным браком связана и следующая пословица: “Родословная дяди от племянника, / Тепло осени от лета” — *Нагасын удха зээдэ, / Намарай хурса нажарта* [8, с. 120]. Записи И.Н. Мадасона относятся к иркутским

бурятам, стоит отметить, что наблюдается распространение пословиц подобного характера по всей этнической Бурятии как раньше, так и сегодня. Особо подчеркивается тесная родственная связь дяди и племянника: “Хорошая медь не ржавеет, / Дядя с племянником не расстаются” — *Зэдэй хайн жэбэрдэггүй, / Зээ нагаса хоёр марталсадаггүй* [8, с. 118], “Слова дяди — для племянника, / Луч солнца — для земли” — *Нагасын үгэ — зээдэ, / Наранай туяа — газарта* [10, с. 254]. Изобилие пословиц с небольшими семантическими изменениями про дядю по матери как дарующего богатство родственника, учителя жизни для племянника доказывает устойчивость его положительной коннотации: “Солнечная сторона зелена, / Сторона дяди по матери притягательна” — *Нарата газар ногоотой, / Нагасатай газар татасатай* [8, с. 120].

В пословицах про дядю и племянника отражаются и повседневные отношения между ними: “Племянник — начальник, дядя по матери — собака” — *Зээ хүн — ноён, / Нагаса хүн — нохой* [10, с. 253]. В ходе полевых исследований выявлены значения изданных, но не понятных сегодня формул. Информант объясняет значение этой пословицы: племянник избалован дядей, а дядя как собака следит за каждым движением и словом ребенка (Зап. от Бадмаевой Екатерины Митаповны, 1928 г. рожд., род *hэнгэлдэр*, с. Баянгол Баргузинского района Республики Бурятия. Соб. Л.С. Дампилова, 2021) [ПМА]. Есть у монгольских народов выражение, что даже собака дяди по матери почитаема как почетный гость, так что вполне возможно, что это сравнение с собакой не умаляет его достоинств.

В число ближайших родственников по материнской линии входили двоюродные братья и сестры — *бүлэ*, которые в пословицах также имеют двойственное значение. В записанных у западных бурят пословицах утверждаются близкие, родственные связи: “Больше жира, чем в почках, нет, / Крепче родственника, чем племянники по матери, нет” — *Бөөрэнхөө өөхэтэй мяхан үгы, / Бүлэнхөө бүхэ ураг үгы* [8, с. 114], “Ближняя родня — племянники по матери, / Кровная родня — дядя по матери” — *Бүхэ урагын — бүлэ, / Бүдэн урагын — нагаса* [8, с. 115].

Пословицы с положительной и отрицательной коннотацией о племяннике по матери записаны нами и в современных полевых исследованиях: “У племянника по матери почки холодные” — *Бүлэ хүнэй бөөрэ хүйтэн* (Зап. от Сундуевой Зинаиды Цыремпиловны, 1944 г. рожд., род *шубтэхэйшоно*, с. Чилир Баргузинского района Республики

Бурятия. Соб. Л.С. Дампилова, 2021) [ПМА]. Печень во фразеологизмах монгольских народов кодирует кровных родственников, а почки, не обладая особыми характеристиками, в данных выражениях обозначают чужую кровь. Подобные же пословицы присутствуют в изданных источниках разных регионов, что доказывает их универсальность: “У зятьев жилье одно, / У племянника по матери почки холодные” — *База хүнэй байра нэгэн, / Бүлэ хүнэй бөөрэ хүйтэн* [10, с. 250]. Отрицательная или положительная коннотация в данных паремиях зависит от признания отцовской или материнской стороны своей. Думается, на изменение оппозиционных параметров имеет влияние двойственность положения материнской стороны.

Тем не менее, “взаимоотношения с родственниками по материнской линии в большинстве бурятских семей рассматривают как первостепенные, и уже имеют место убеждения, что именно родство по материнской линии традиционно было более близким. Такая стратегия выстраивания социальных отношений является следствием развития естественного процесса, который уже не регулируется искусственно созданной идеологией, подкрепляемой обязательными обрядовыми действиями, выработанными в период господства патриархального уклада” [13, с. 106–107].

Если в пословицах про дядю по матери наблюдается в основном возвышенная положительная коннотация, маркируя близкий / свой мир, то в пословицах про дядю с отцовской стороны (*абга*) явно чувствуется негативная реакция, подчеркивающая чужой, посторонний род: “Дядя злопамятный / Внук почитаемый” — *Абга хүн харатай, / Аша хүн хүндэтэй* [10, с. 247]. Скорее всего, в этом словосочетании сравнение дяди и внука проводится без семантической привязки, а только по аллитерации и закону монгольского стихосложения. В следующем примере отрицательный образ дяди как злопамятного дополняется фразеологизмом, показывающим его тяжелый характер: “Рука дяди тяжелая, / Язык внука острый” — *Абгын гар хүндэ / Ашын хэлэн хурса* [14, с. 10]. В словаре дается пояснение, что так говорят про “человека, который обладает большой силой удара, сильно бьет рукой” [15, с. 463]. Действия даже жены дяди по отцу не соответствуют представлениям близких родственников, только чужой человек может так поступать: “Если тетя узнала, / То узнает вся деревня” — *Абга ээийн мэдэбэл, / Айл зон баран мэдэхэ* [14, с. 10].

Идея чуждости отцовской родни касается и племянников с этой стороны: “Худшие

из родственников — двоюродные братья и сестры по отцу, / Худшая из воды — лужа” — *Урагай муу үеэлэ, / Унанай муу шалбааг* [10, с. 257]. Полностью совпадающие с предыдущим вариантом пословицы записаны нами и в последние годы. Сохранились пословицы, которые можно расшифровать как признание своей близкой родней и той, и этой стороны: «Умиравшему двоюродные по отцу нужны, / “Высыхающему” двоюродные по матери нужны» — *Үхэхэдэ үеэлэ хэрэгтэй, / Хатахада бүлэ хэрэгтэй* [Зап. от Гонжаповой Жалмы Лундуковны, 1954 г. рожд., род гутар хальбин, с. Эдэрмык Кижингинского района Республики Бурятия. Соб. С.Д. Гымпилова, 2018] [ПМА].

Или вариант: “Двоюродный брат по отцу до смерти помогает, / Троюродный брат по отцу до глубокой старости помогает” — *Үхэсэрээ үеэлэ туһатай, / Хатасараа хаяала туһатай* [ЦВРК ИМБТ СО РАН, Инв. № 111].

У западных бурят записано подобное же выражение: «Когда умираешь, двоюродные братья по отцу нужны, / Когда “засыхаешь”, троюродные братья нужны» — *Үхэсэрөө үеэлэ хэрэгтэй, / Хатасараа хаяала хэрэгтэй* [8, с. 130]. У бурят родственные связи всегда занимали столь значительное место в жизни, что без них не обошлось ни одно важное событие, поэтому если даже вы не общались в повседневной жизни, то при рождении, свадьбе и похоронах родственники с обеих сторон признаны близкими и всегда должны присутствовать.

Обобщающей все наши изыскания является общеизвестная пословица: “Дядя по матери, как печень, теплый, / Дядя по отцу, как почки, холодный” — *Нагаса эльгэн дулаан, / Абга бөөрэ хүйтэн*. В паремиях человеческие органы — печень и почки постоянно выступают оппозиционными парами, маркируя теплое, родное, свое и холодное, чужое.

Итак, на множестве примеров выявили оппозиционную пару дядя по матери — свой / дядя по отцу — чужой. И тут еще одно мнение, которое тоже стоит учитывать. Современный информант в социальных сетях анализирует данную пословицу: дядя по матери хороший потому, что он живет вдали от племянника и относится к нему намного эмоциональнее и добрее, чем дядя по отцу, который живет вместе с ними. В родовом обществе вся отцовская сторона жила одной семьей. Дядя по отцу воспитывает племянника и как наследника рода сурово учит правилам жизни. Так что суровое отношение к племяннику дяди с той или этой стороны может быть связано с изменением оппозиционных маркеров.

В работе выявлена система представлений этноса о родственных отношениях по оппозиции свой / чужой в малых жанрах бурятского фольклора. Во всех регионах этнической Бурятии записанные нами за последние годы пословицы и поговорки на тему родственных связей соответствуют архивным и изданным источникам. Необходимо констатировать устойчивость формульных выражений при частичной трансформации семантики текста. Выявлено, что наиболее распространенными и сохранившимися являются пословицы про дядю по матери и только с положительной коннотацией. Определена оппозиционная пара: дядя по матери как свой и дядя по отцу как чужой. Установлено, что двойственность положения материнской стороны и признание то отцовской, то материнской стороны своей близкой родней повлияли на изменение оппозиционных параметров в пословицах про племянников.

ИСТОЧНИКИ

1. Мадасон, Ф. 18, оп. 1, Инв. № 193 — Буха ноён баабайда, Будан хатани ибиидэ дурдалга = [Призывание отца Буха нойона и матери Буданхатан]: записано от Дармаева Александра, с. Барабанск Аларского района, 1925 г. // ЦВРК ИМБТ СО РАН, Ф. № 18. И.Н. Мадасон, Оп. № 1, Инв. № 193, л. 4–7.
2. Балдаев, Ф. 36, оп.1, Инв. № 85 — Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, Ф. № 36. С.П. Балдаев, Оп. № 1, Инв. № 85. Пословицы.
3. ЦВРК ИМБТ СО РАН, Инв. № 111 — ЦВРК ИМБТ СО РАН, Архивный фонд, Оп. № 1, Инв. № 111.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петри Б.Э. Внутриродовые отношения у северных бурят. Иркутск, 1925. 72 с.
2. Басаева К.Д. Семья и брак у бурят: вторая половина XIX — начало XX в. Новосибирск: Наука, 1980. 223 с.
3. Галданова Г.Р. Структура традиционной бурятской свадьбы // Традиционная культура народов Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. С. 131–159.
4. Humphrey C. Karl Marx collective. Economy, Society and Religion in Siberian collective farm. Cambridge, London, New York, New Rochelle, Melbourne, and Sydney: Cambridge University Press, 1983. 524 p.
5. Нумаев Д.Д. Проблемы этногенеза бурят. Новосибирск: Наука, 1988. 167 с.

6. Сыденова Р.П. Улусная община западных бурят (вторая половина XIX — начало XX в.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 129 с.
7. Содномпилова М.М. Чужие для всех: группа “невестки” в концептуальном универсуме монгольского общества // Сибирский сборник — 4. Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. (Памяти российского этнографа-тунгусоведа Надежды Всеволодовны Ермоловой) / Отв. ред. В.Н. Давыдов, Д.В. Арзютов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 419—432.
8. Мадасон И.Н. Буряад арадай оньһон, хошоо үгэнүүд [Пословицы и поговорки бурятского народа]. Улан-Удэ, Буряад номой хэблэл, 1960. 401 с. [На бурятском языке]
9. Батоева Д.Б., Галданова Г.Р., Николаева Д.А., Скрынникова Т.Д. Обряды в традиционной культуре бурят. М., 2002. 220 с.
10. Пословицы и поговорки на калмыцком, бурятском, монгольском языках // Памятники фольклора монгольских народов. Т. VII. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 197—431.
11. Гомбожапов А.Г. Традиционные семейно-родовые обряды агинских бурят в конце XIX — XX в. Новосибирск: Наука, 2006. 184 с.
12. Балдаев С.П. Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. 179 с.
13. Содномпилова М.М. “Река начинается с родника, а родство — с дяди по матери”: группа нагасанар в монгольском социуме // Этнология, серия “Геоархеология. Этнология. Антропология”. 2014. Т. 8. С. 100—109.
14. Бальбунова Б.Ц.-Е. Буряад арадай оньһон үгэ. Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ: ООО “Форвард”, 2020. 366 с.
15. Фразеологический словарь бурятского языка / Сост. Т.Б. Тагарова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 565 с.
- Asia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1986, pp. 131—159. (In Russ.)
4. Humphrey, C. Karl Marx collective. Economy, Society and Religion in Siberian collective farm. Cambridge, London, New York, New Rochelle, Melbourne, and Sydney: Cambridge University Press, 1983. 524 p.
5. Nimaev, D.D. *Problemy etnogeneza buryat* [Problems of Ethnogenesis of the Buryats]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1988. 167 p. (In Russ.)
6. Sydenova, R.P. *Ulusnaya obshchina zapadnykh buryat (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)* [The Ulus Community of the Western Buryats (the Second Half of the 19th — the Beginning of the 20th Century)]. Ulan-Ude, Izd-vo BNC SO RAN Publ., 2003. 129 p. (In Russ.)
7. Sodnompilova, M.M. *Chuzhie dlya vseh: gruppа “nevestki” v konceptualnom universume mongolskogo obshchestva* [Strangers for Everyone: the “Daughter-In-Law” Group in the Conceptual Universe of Mongolian Society]. *Sibirskij sbornik — 4. Grani socialnogo: Antropologicheskie perspektivy issledovaniya socialnykh ot-noshenij i kultury. (Pamyati rossijskogo etnografa-tungusoveda Nadezhdy Vsevolodovny Ermolovoy)*. *Otv. red. V.N. Davydov, D.V. Arzyutov* [Siberian Collection — 4. Facets of the Social: Anthropological Perspectives of the Study of Social Relations and Culture. (In memory of the Russian Ethnographer-Tungusologist Nadezhda Vsevolodovna Ermolova). Ed. V.N. Davydov, D.V. Arzyutov]. St. Petersburg, MAE RAN Publ., 2014, pp. 419—432. (In Russ.)
8. Madason, I.N. *Buryaad aradaj onhon, hoshoo ygenyyd* [Proverbs and Sayings of the Buryat People]. Ulan-Ude, Buryaad nomoj heblel Publ., 1960. 401 p. (In Buryatian)
9. Batoeva, D.B., Galdanova, G.R., Nikolaeva, D.A., Skrynnikova, T.D. *Obryady v tradicionnoj kulture buryat* [Rituals in Traditional Culture of Buryat]. Moscow, 2002. 220 p. (In Russ.)
10. *Posloviцы i pogovorki na kalmyckom, buryatskom, mongolskom yazykah* [Proverbs and Sayings in the Kalmyk, Buryat, Mongolian Languages]. *Pamyatniki folklora mongolskikh narodov. T. VII* [Monuments of Folklore of the Mongolian Peoples. Vol. VII]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2018, pp. 197—431. (In Kalmyk, Buryatian, Mongolian, Russ.)
11. Gombozhapov, A.G. *Tradicionnye semejno-rodovye obryady aginskiх buryat v konce XIX—XX vv.* [Traditional Family and Ancestral Rites of the Agin Buryats at the End of the 19th —20th Centuries]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006. 184 p. (In Russ.)
12. Baldaev, S.P. *Buryatskie svadebnye obryady* [Buryat Wedding Ceremonies]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd-vo Publ., 1959. 179 p. (In Russ.)
13. Sodnompilova, M.M. “*Reka nachinaetsya s rodnika, a rodstvo — s dyadi po materi*”: *gruppа nagasanar v mongolskom sociume* [“A River Begins with a Spring, and

REFERENCES

1. Petri, B.E. *Vnutrirodovye otnosheniya u severnykh buryat* [Intragenital Relations in the Northern Buryats]. Irkutsk, 1925. 72 p. (In Russ.)
2. Basaeva, K.D. *Semya i brak u buryat: vtoraya polovina XIX v. — nachalo XX v.* [Family and Marriage Among the Buryats: the Second Half of the 19th Century — the Beginning of the 20th Century]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980. 223 p. (In Russ.)
3. Galdanova, G.R. *Struktura tradicionnoj buryatskoj svadby* [The Structure of the Traditional Buryat Wedding]. *Tradicionnaya kultura narodov Centralnoj Azii* [Traditional Culture of the Peoples of Central

- Kinship Begins with a Maternal Uncle”: Nagasanar Group in Mongolian Society]. *Etnologiya, seriya “Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya”* [Ethnology, Series “Geoarchaeology. Ethnology. Anthropologia”]. 2014. Vol. 8, pp. 100–109. (In Russ.)
14. Balburova, B.C.-E. *Buryaad aradaj onhon үge. Poslovicy i pogovorki buryat* [Proverbs and Sayings of the Buryat People]. Ulan-Ude, ООО “Forvard” Publ., 2020. 366 p. (In Buryatian, Russ.)
15. *Frazeologicheskij slovar buryatskogo yazyka. Sost. T.B. Tagarova* [Phraseological Dictionary of the Buryat Language. Comp. T.B. Tagarova]. Irkutsk, Izd-vo IGU Publ., 2014. 565 p. (In Buryatian, Russ.)

*Дата поступления материала в редакцию: 22 февраля 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 20 марта 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 апреля 2023 г.
Дата публикации: 30 июня 2023 г.*

*Received by Editor on February 22, 2023
Revised on March 20, 2023
Accepted on April 15, 2023
Date of publication: June 30, 2023*